

ИСТОРИК И ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО

За последние два десятилетия в общественном и индивидуальном сознании произошли существенные изменения. За жизнь одного поколения радикально изменились официальная идеология, профессиональные исторические знания и индивидуальные взгляды большинства отечественных историков. Все это позволило говорить многим и в нашей стране, и за рубежом о том, что в сфере исторических знаний произошла трансформация тоталитарного общества в гражданское. Мне кажется, что подобные утверждения преждевременны.

Прежде всего надо отметить лишь внешнюю мимикрию в официальной идеологии. По-прежнему существует серьезное огосударствление общественных отношений, что непременно ведет к свертыванию нарождавшейся демократии, установлению нового тоталитаризма. Практически те же идеологические функционеры или их достойная смена за 20 лет упорно и последовательно проводят сменяющие друг друга официальные идеологические постулаты: «развитой социализм», «совершенствование социализма», «ускорение социально-экономического развития», «демократизация и гласность», «новая, демократическая Россия», «национальная идея России». Эта череда официальных идеологических кампаний обращается к исторической традиции, требует от историков «новых подходов». Поиски «прекрасного мира» редуцируются в формулу рационально-прагматическую – поиски «мира лучшего, чем наш» или апокалиптическую – поиски «мира, который выживет» (в отличие от нашего). Поиски активно ведутся и в истории зарубежных стран, и в прошлом нашего Отечества.

В конце 1980-х – начале 1990-х годов в официальных идеологических кампаниях упор делался на «возвращение России в ряды цивилизованных стран» за счет утверждения в нашей стране «общечеловеческих ценностей». В массовое сознание насаждалась мысль о том, что много десятилетий (а порой говорилось и о нескольких столетиях) Россия шла «не туда», а теперь пришла пора «вернуться, наконец, в лоно мировой цивилизации и приобщиться к общечеловеческим ценностям», под которыми, как правило, понимаются ценности западного образа жизни¹.

¹ Об этом смотрите: Соколова Е.Е. Идеи А.Н.Леонтьева и его школы о поступке как единице анализа личности в их значении для исторической психологии. // *Традиции и перспективы деятельностного подхода в психологии: школа А.Н. Леонтьева*. М., 1999, с. 88.

Однако крупнейшие русские мыслители уже давно предостерегали от столь суженного представления об общечеловеческих ценностях, которое весьма распространено в среде части русской интеллигенции и связано с ее своеобразным «эксцентризмом» (термин Н.С. Трубецкого) – мировоззренческой установкой, заставляющей видеть именно в чужой культуре (в XVII веке – в польской, в XVIII веке – в голландской и немецкой, в XIX веке – во французской, в XX веке – в американской) “*нечто абсолютно высшее и совершенное*”², ту самую “общечеловеческую цивилизацию”, в лоно которой России надо “вернуться”. Как совершенно справедливо замечал один из идеологов евразийства Н.С. Трубецкой, та культура, которую нам преподносят “*под видом общечеловеческой цивилизации, на самом деле есть культура лишь определенной этнической группы...*”³, и поэтому она “*ничем не совершенней, не “выше” всякой другой культуры, созданной иной этнографической группой, ибо “высших” и “низших” культур и народов вообще нет*”⁴.

Если поиски «идеальной России» ведутся в ее историческом прошлом, то они отличаются крайней политизированностью сегодняшнего дня и непоследовательностью с научной точки зрения. Хронотоп России, то есть представление об историческом пути страны, ее прошлом и будущем, постоянно трансформируется. Если еще 10 лет тому назад официальная идеология навязывала в массовом сознании представление о трудном добольшевистском прошлом страны, а с 1917 года – постепенном продвижении к вершинам всеобщего благополучия, то ныне существует другой отсчет: до 1991 года наша страна жила в жуткой нищете, страдала от репрессий, стояла в очередях с талонами, а ныне «новая Россия поднимается с колен». Все это породило желание у многих граждан и социальных групп представить собственную «точку отсчета» бед России (1991, 1985, 1964, 1956, 1924, 1917, 1861, 1700, 1613, 988 и т.д.). Воображение «поставляет» в сознание россиян манихейские «черно-белые» картины мира, по формуле «что было – что есть – что будет». При этом ретроспективная и актуальная «картины» обычно в зависимости от «точки отсчета» окрашены в черные цвета, а прогностическая – освещена солнцем счастливого будущего. Надо только найти врага и уничтожить. Чаще всего в список врагов попадают американцы, евреи, «инородцы», «демократы», «коммунисты», масоны, западники, славянофилы и т.д.

Сегодня в России совершается деформация сознания, деформация образа мира, страны и деформация смыслового универсума личности. Происходит разрушение социальной реальности, реальности

² Трубецкой Н.С. История. Культура. Язык. М., 1995, с. 101.

³ Там же. С. 65.

⁴ Там же. С. 103.

повседневной жизни и возникает явление «реификации» – когда реальность, созданная личностью, отвергает эту личность. Все это вершится на фоне массированного идеологического диктата над «демократическими» средствами массовой информации – по-прежнему проводниками официальной идеологии.

При официальном провозглашении плюрализма в области профессиональных исторических знаний, и здесь за последнее время заметно сужение сферы автономии от государства. Дезориентированные, подавленные группы историков, постоянно находящиеся под гнетом перманентных «сокращений штатов» и резкого ограничения публикаторских возможностей, за последние годы легко переходят «из одной веры в другую», активно меняя политические убеждения иногда на прямо противоположные. Ментальная неопределенность, то есть состояние общественного сознания в момент смены идеологии, ценностей, смысла жизни на личностном уровне и на уровне социальных групп, не могла не затронуть историческую науку. В бегстве от тоталитарного мировоззрения в поиск новых трактовок и интерпретаций, многие историки неоднократно произвели «знаковое опрокидывание» в своих изысканиях, хотя тоталитарность сознания является характеристикой процессов и структуры сознания, и смена его содержания еще ни о чем не говорит.

Если в конце 1980-х годов историки были популярны в обществе, как отмыватели «белых пятен» истории, то уже с середины 1990-х годов они воспринимались как «идеологические хамелеоны», готовые служить любому режиму. В конце 1980-х годов были отменены выпускные государственные экзамены в школах у дезориентированных старшеклассников. Этот акт трактовался как один из моментов гражданского общества: нет единого учебника по истории, нет единой программы для школ, нет единых выпускных экзаменов. В действительности это привело к резкому падению интереса к историческим знаниям у школьников, что особенно заметно в высших учебных заведениях, где вступительные экзамены по-прежнему проходят по чуть подправленным программам, но где произошло резкое сокращение учебных часов на историю. Так, известный современный отечественный философ М.К. Мамардашвили с тревогой говорил в конце 1980-х годов: *«Молодые люди лишены чувства исторической традиции и ответственности еще и потому, что у них нет даже возможности выбора, решения. Поскольку выбор-то (в смысле: «жизнь моя, а вместе с ней и весь мир здесь решается») делается всегда в лоне предшествующих образцов-поступков, – а никто вокруг или до тебя никак не поступал»*⁵. По мнению М.К. Мамардашвили, способность совершить

⁵ Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. 1990, с. 173-174.

конкретный поступок как нечто «невозможное» (до меня никто никогда так не поступал) формируется только на основании диалога с другими людьми, которые уже совершили свое «невозможное», то есть речь идет о «диалогах» с людьми разных исторических эпох. А сегодня такой диалог для старшеклассников практически невозможен, ибо прежние герои советского и досоветского прошлого из советских учебников, в том числе герои борьбы с фашизмом, сняты с пьедесталов, а новые еще не определены. Так, современный отечественный психолог А.Л. Свенцицкий в статье «"Позитивное незнание" как компонент советской ментальности» пишет: «*Советские люди восхищались полетом Гагарина, не зная о предшествующих неудачах, о том, что до этого полета был другой первый космонавт – Бондаренко, который сгорел в ракете*»⁶. Теперь, наверное, уже ставится под сомнение подвиг коммуниста Юрия Гагарина, хотя и фамилия Бондаренко почти никому неизвестна. Так кто был первым в мире человеком в космосе? Сенатор Джон Глен? Нет героев, нет поступков, нет гражданского сознания, а без него не может быть и гражданского общества.

При этом осталась традиционная просьба многих учителей, воспитанных десятилетиями на тоталитарных идеях, выдать им новые единые программы и учебники. Им было легче (или, во всяком случае, для многих из них) работать по стабильному учебнику, единой программе, с массой методических разработок и наглядных пособий к ним. Поэтому, используя провозглашенный «плюрализм» значительная часть учителей формально «перестроилась», выбрав пособие поновей, они продолжают работать по-старому, «как их учили». Например, среди московских учителей активно используется пособие для старшеклассников и абитуриентов «История России» В.И. Морякова, В.А. Федорова, Ю.А. Щетинова⁷. Это пособие мало отличается по своему характеру от других современных пособий. Именно эта схожесть позволяет рассматривать его в качестве характерного примера. Возьмем наугад одну из тем, изложенных в данном современном пособии, например, главу 20 «Экономическое развитие России в конце XIX – начале XX века». Здесь говорится о том, что пореформенная Россия на рубеже веков вступила в империалистическую стадию капитализма. Тот, кто хоть раз в школе или вузе изучал работу В.И.Ленина «Империализм как высшая стадия капитализма» без осо-

⁶ Свенцицкий А.Л. «Позитивное незнание» как компонент советской ментальности. // *Российское сознание: психология, культура, политика. Материалы Международной конференции по исторической психологии российского сознания «Провинциальная ментальность России в прошлом и будущем»*. Самара, 1997. С. 25.

⁷ Моряков В.И., Федоров В.А., Щетинов Ю.А. *История России: Пособие для старшеклассников и абитуриентов*. М., 1996 (и последующие издания).

бого труда узнают на страницах пособия ее изложение. Как и десятилетия назад школьникам предлагается заучить признаки империализма по Ленину, правда, без сноски на Ленина. Хотите проверить свою память на знание суждений все того же В.И. Ленина о «трех этапах русского освободительного движения», тогда откройте главу 13 «Освободительное движение и общественная мысль в России в первой половине XIX века» данного пособия. Впрочем, в других учебных пособиях и учебниках может быть будет меньше пересказа суждений В.И. Ленина и больше упоминаний о цивилизационном подходе к истории, но строиться, как правило, они будут все по тому же классово-формационному принципу. Перефразируя известного писателя Германа Гессе, можно сказать, что при такой системе преподнесения историческая истина лишь преподается, а не переживается.

Современная ситуация в исторической науке характеризуется переходными тенденциями. Отказ от старых догматических схем, введение новых документальных материалов в исторический оборот, применение новых (в том числе, математических) методов еще не позволили совершить решительный исследовательский прорыв. Но уже сейчас понятно, что произошедшие изменения и поиски современных подходов требуют синтетического соотнесения ранее отщепленных друг от друга подходов, превращения истории в подлинно гуманитарную науку. Большое будущее принадлежит исторической психологии, занимающейся изучением *«психологического склада отдельных исторических эпох, а также изменений психики и личности человека в специальном культурном макровремени, именуемом историей»*⁸.

Тогда, без государственного диктата, но при общественной поддержке современная стадия изучения российской истории должна превратить историю в живую науку, где мыслят и действуют живые люди со своими характерами, потребностями и интересами. И это живое знание по истории России не только обязано разрушить старые догматические схемы, но и должно позволить представить многочисленные факты и описания, содержащиеся в исторических трудах, в более упорядоченном виде и приблизиться к решению той задачи, которую ставят перед собой современные историки – *«постараться понять людей, бывших свидетелями тех или иных фактов, позднее запечатлевшихся в их сознании наряду с прочими идеями, чтобы иметь возможность эти факты истолковать»*⁹.

©А.Квакин, 2000

⁸ Шкуратов В.А. Историческая психология. М., 1997. С. 15.

⁹ Февр Л. Бои за историю. М., 1991. С. 19.